

СИЮМИНУТНАЯ ПРОФЕССИЯ

Независимая газета. — 2000. — 13 янв. — с. 13

Александра Захарова хочет прославиться и нисколько этого не стесняется

Марк Захаров собрал в своем театре почти всех любимцев публики — Караченцова, Збруева, Броневго, Янковского, Чурикову... Среди этого актерского великолепия он нашел местечко и для собственной дочери Александры. Скоро шестнадцать лет, как Саша работает в Ленком, причем десять из них она провела в массовке. Захарова до сих пор во время работы называет отца по имени-отчеству и боится его даже больше, чем другие артисты театра. Самой яркой работой актрисы в кино по праву считается «Криминальный талант», только что на широкий экран вышел новый фильм с ее участием — «Тонкая штучка». Медленно, но верно Саша приближается к самой заветной своей мечте — стать такой же знаменитой, как большинство ее ленкомовских коллег.

Живет Александра Марковна отдельно от родителей в небольшой квартире среди цветов и творческого беспорядка. Попытка счастливо выйти замуж увенчалась весьма сомнительным успехом, поэтому Саша не спешит в очередной раз испытывать судьбу. Она умеет и любит украшать дом и терпеть не может наводить в нем порядок. Но самый настоящий ужас Саша испытывает, когда видит себя на экране. Ей кажется, что хуже этого ничего быть не может! Единственный человек, мнению которого она доверяет, это отец: если Захаров сказал, что все хорошо, значит, можно успокоиться и продолжать работу.

ПРИНЯТО считать, что дети знаменитостей легче находят свой путь в жизни. Известная фамилия помогает в работе, открывает какие-то двери?

— Двери не очень-то открываются! Я помню, когда училась в институте, вышел спектакль «Юнона» и «Авось». Он сразу стал дико популярен, к театру даже вызывали конную милицию. Все рвались на премьеру! Кто-то попросил меня срочно передать отцу документы, а времени — половина седьмого. Я пошла к театру и сказала охранникам: «Мне надо передать Марку Анатольевичу документы». На что мне ответили: «Иди отсюда». Я набралась смелости и говорю: «Я дочь Захарова!» Мне отвечают: «Да?! А у него сын!» Берут за шиворот и обратно в толпу.

— Почему же вы решили стать актрисой?

— Это чуть ли не единственная профессия, где женщина может добиться успеха наравне с мужчиной. Когда я была совсем маленькой, то мечтала стать знаменитой. Как-то родители взяли меня в Молдавию на гастроли. Мы шли с отцом по набережной, и я его спросила: «В какой области женщина может стать знаменитой?» Он ответил: «С тех пор и решила пойти в артистки».

— Как начиналась ваша театральная карьера?

— Меня после института приглашали пять московских театров, пять очень хороших режиссеров. Но я пришла к Захарову, потому что хотела работать именно у него, и провела десять лет в массовке. Один очень известный режиссер сказал тогда: «Это безумие работать с отцом в одном театре!» Но я упрямая, упираться в одну точку и начинаю долбить. Когда Панфилов поставил «Гамлета» и мне приходилось на каждом спектакле обливаться холодной водой, люди спрашивали: «Как у тебя хватает сил?», а я говорила: «Надо!»

Когда я показывалась в Ленком, отец устроил тайное голосование, и меня приняли большинство голосов. Может быть, потому, что Захаров в свое время не взял в театр маму и она всю жизнь посвятила отцу.

Александра Захарова с отцом.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— А с вашей точки зрения, что важнее — семья или карьера?

— Для женщины главное — семья. Если жизнь потребует, я готова бросить театр, кино и заниматься только своими близкими. Но я фаталист и считаю, что все будет так, как должно быть. От судьбы не уйдешь. Если мне суждено родить ребенка, я его рожу, а если суждено пойти и провалиться в яму, провалюсь и ничто меня не спасет!

— Что же произошло с «Гамлетом»?

— Роль Офелии была выстроена гениально. Это пятнадцатилетняя девочка, которая сошла с ума на почве материнства. Она хотела жить нормальной человеческой жизнью (выйти замуж за Гамлета, родить ребенка), но этого не случилось. Панфилов придумал, что в начале спектакля она обливается водой, как бы предвидя свою судьбу, а потом рождает куклу.

Но поначалу вместо куклы я должна была рожать артиста из театра лилипутов. Мне приходилось брать лилипута на руки, а это, между прочим, сорокалетний мужчина, который курит сигареты и от которого постоянно пахнет перегаром! У него борода и усы, а он должен сидеть у меня под платком, потом вылезать, душить... В общем, я была в шоке! Отец любит рассказывать, как однажды после репетиции я пришла домой совершенно счастливой и сказала: «Папа, у нас радость — лилипут записал!» Дело в том, что у него начался запой и, на мое счастье, его сняли со спектакля.

— Вы в жизни боец?

— Нет. Я, например, не умею проговариваться, потому что всегда хочу понравиться режиссеру. Не могу относиться к этому легкомысленно! Снимаюсь потом гораздо лучше, чем во время проб. Последнее время я вообще отказываюсь от проб, а если вижу вторую актрису на ту же роль, готова сразу все отдать, лишь бы меня не трогали. Я в этом смысле никакой не спортсмен! Зато если меня о чем-то просят, не могу отказать. Когда слышу на автоответчике «Саша, перезвони», тут же перезваниваю. Просто не могу иначе — просили же! Я веду себя как отличница, которой дали задание и которая обязательно должна его выполнить.

— А в школе вы были отличницей?

— Наоборот, я очень не любила отличников. И до сих пор не люблю. Человек, который знает все на пятерки, ничему не отдает предпочтение, не бьет в одну точку. Поэтому я училась в основном на двойки и тройки. А когда узнала проходной балл в институт, окончила школу с очень хорошим аттестатом — умудрилась списать практически все! Меня вообще-то время от времени выгоняли. Помню, в классе первом-втором сказали, что я недостойна учиться в советской школе. Я страшно плакала, мне было очень стыдно. Пришла домой урыданная в девять часов утра, мама открыла дверь и спросила с ужасом: «Саша, что случилось?!» — «Я недостойна учиться в советской школе!» На что мама, обле-

ченно вздохнув, сказала: «И слава богу, ложишься спать!»

— Наверное, приходится постоянно чему-то учиться сейчас?

— Это точно. Когда мы репетировали «Фигаро», Марк Анатольевич мимолодом заметил: «Тут графиня играет на арфе». Я говорю: «Как это? Ни один нормальный человек в моем возрасте не может научиться играть на арфе!» На что отец сказал: «Как раз нормальный человек может. Иди и учи!» Пришлось научиться.

Струн много, педалей тоже дикое количество. Отведешь глаза — все перемешивается и приходится начинать сначала. С этим связано множество историй. Как-то раз во время спектакля из-за кулис вышла здоровенная розовая крыса, прошла по авансцене, села передо мной и стала слушать. Но, видимо, я играла неважно, ей не понравилось, и она ушла. Зал зааплодировал, а я страшно обрадовалась, думаю про себя: «Как я сегодня шикарно играю!»

Однажды мы повезли «Фигаро» в Израиль, но арфу с собой не взяли. А у них там стояла арфа, на которой были струны другого цвета! Пришлось нашему художнику тащить ведро с краской и красить эти струны. Как только они приняли привычный для меня вид, я сыграла.

— Вы любите участвовать в розыгрышах?

— У меня не получается, потому что я радуюсь гораздо раньше — начинаю хохотать за полчаса до самого розыг-

рыша. Но однажды пошутила довольно удачно. Поймала артиста Сергея Степанченко (это мужчина очень внушительных размеров), подошла к нему и говорю: «Тут затевается новая работа: я хочу поставить маленький спектакль, Марк Анатольевич будет принимать в нем участие как сопостановщик. Там есть одна очень хорошая роль — как раз для тебя». Он говорит: «Да, конечно, очень интересно, давно пора тебе заняться режиссурой!» Мы тут же стали выяснять, когда он не занят, как будем репетировать... А я продолжаю: «В общем, хочу поставить «Терем-теремок», а ты сыграешь там Мышку-норушку!»

Зато в жизни я совершенно не умею играть. Если все-таки приходится, мне надо представить, будто я на сцене, а это не так-то просто! Бывают ситуации, когда слова обгоняют мысли и я выбалтываю то, что не следует. Правда, с возрастом это случается реже.

— Вы женщина хозяйственная?

— Когда я прихожу домой, то подбрасываю какую-нибудь вещь и полагаю, что ее место как раз там, куда она упала. Однажды ко мне пришла корреспондентка из какого-то женского журнала и спрашивает: «Вы умеете шить?» Я говорю: «Нет». — «А готовы?» — «Нет». — «Может быть, вы умеете что-нибудь еще?» Я говорю: «Ничего». — «Ну ладно, зайди в следующий раз». С тех пор я ее не видела! Зато я люблю украшать дом красивыми вещами — считаю, что это не роскошь, а предмет необходимости. Если

я просыпаюсь и вижу перед собой красивые часы, у меня сразу же поднимается настроение. С удовольствием развожу цветы, насколько это возможно в моей небольшой квартире.

Часто бессмысленно трачу деньги. Если они у меня есть, я не успокоюсь, пока все не потрачу. У меня душа горит! Больше всего люблю покупать продукты. Захожу в большой супермаркет и начинаю набирать, причем голодная я или сытая — без разницы. Потом это все неделями лежит в холодильнике, никому не нужное. Но когда в нем ничего нет, очень тоскливо — вот тогда как раз очень хочется есть! Холодильник должен быть полон, тогда можно соблюдать всяческие диеты.

— Говорят, когда женщина меняет жизнь, она делает другую прическу, переставляет мебель и заводит нового любовника. Что происходит у вас?

— Говорят, каждая женщина из ничего может сделать шляпку, салат и скандал! У меня никогда не получалось изменить жизнь. Если я пыталась что-то повернуть по-своему, почти всегда разбивалась. Ежи Лец сказал: «Прежде чем пробивать головой стену, подумай, что ты будешь делать в соседней камере!» Вот это как раз обо мне. Я консерватор — люблю одну и ту же еду, одни и те же улицы, одну и ту же одежду, одних и тех же людей.

— Можете вспомнить самый яркий день из своего детства?

— Когда мне было шесть лет, мы переехали в дом на улице Чехова. Это было театральное общежитие, где в пять утра спокойно могли прийти за спичками или солью. Через несколько дней мама спросила у меня: «Ты уже знаешь, кто живет в доме?» Я сказала: «На одиннадцатом этаже — боксер, на двенадцатом — такса, на пятом — два пуделя». То есть я знала весь дом по собакам! Родители были очень растроганы, а я к тому же выдвинула им ультиматум, сказав: «Либо вы мне купите собаку, либо я выброшусь из окна». Мама предпочла первое, и это было счастье!

Сейчас у родителей живет собака, которой уже пятнадцать лет. Я назвала ее Фимка в честь своего персонажа из «Формулы любви». Как-то поехала с ней в ветеринарную лечебницу и увидела там таксу, перебинтованную эластичным бинтом. Сначала мне показалось, что это хот-дог, торчали только хвост и голова! Хозяйка рассказала, что собака неудачно спрыгнула со стола и заработала себе смещение позвонка. Теперь вся их семья спит на полу, чтобы ей удобнее было лечь рядом. У людей, которые имеют дело с животными, совсем другая психология!

— У вас есть какие-нибудь чисто женские слабости?

— Я не могу видеть кровь. Однажды у меня брали кровь из вены, так я потеряла сознание как истинная девушка! Со мной тогда обошлись как в мультфильме с Микки Маусом — взяли за ноги и потрясли. Еще очень люблю косметику. Я считаю, что это нормально, когда женщина интересуется такими вещами. Наш век не так уж долгот — где-то до сорока пяти лет. Можно себя всячески кроить-перекраивать, отрезать куски, но сущность все равно вылезает. Говорят, в сорок лет каждый сам отвечает за свое лицо! Поэтому я прекрасно понимаю, что лучшая косметика — не впускать в себя зависть и злость. Как ни перетягивай лицо, ни убирай морщины, ну-то все равно просвечивает!

— Позволяете себе выйти ненакрашенной на люди?

— Да, бывает. Когда утром нет времени, я умываюсь, причёсываюсь и тут же убегаю. Меня все равно узнают, и каждый раз я обещаю себе, что никогда так больше делать не буду! Но это все равно время от времени повторяется.

— Приятно, когда узнают?

— В таком варианте не очень. А вообще, конечно, приятно, когда подходят и говорят какие-то хорошие слова. Однажды я встала под кирпич на

Пушкинской площади, ко мне подошел милиционер и говорит: «Вы что?!» А потом посмотрел внимательно, отдал честь и говорит: «Извини, не узнал!» Вот это приятно! Когда вышла «Тонкая штучка», я так засмотрелась на свой портрет, распятый на весь кинотеатр «Художественный», что нарушила вообще все правила! Ко мне бежит милиционер: «Что же вы...» Я говорю: «Да вот, мол, устались на свою физиономию». Он посмотрел на кинотеатр, на меня и согласился: «Понимаю!»

— Как отец отнесся к вашей новой работе?

— Когда я его пригласила на премьеру «Тонкой штучки», он спросил: «Сколько времени идет кино?» Я говорю: «Минут 40–45 высидишь?» — «Ну ладно...» Но ему, как ни странно, фильм очень понравился, потому что он сделан в традициях нашего старого кинематографа — без чернухи и всякой гадости. Я счастлива, что вышла эта картина, хотя перед показом безумно тряслась. Вообще рада, что жизнь свела меня с Польшниковым. Он хоть и режиссер, но не диктор. Некоторые сцены мы сочиняли всей съемочной группой и сняли всего за полтора месяца.

— Вы часто импровизируете?

— Случается. Думаю, что я неплохой танцевала в «Драконе». Тот замечательный танец, который поставила Воскресенская, был все-таки поднят под ее собственную пластику. Она замечательный балетмейстер, и тем не менее потом многое переделывалось под меня. Но ведь и Раневская, например, все играла по-своему, сама придумывала многие сцены. Помню, была такая пародия на актерское интервью: «Моя героиня талантливая, молодая, красивая и обязательно очень умная».

— Что больше всего запомнилось во время съемок?

— Последние впечатления касаются «Тонкой штучки». Автогонки мы снимали под Пушкином и как-то после съемок в четыре часа ночи возвращались в Москву, забыв сменить номера на машинах (действие фильма происходит под Петербургом). И вот перед самым въездом в город мы об этом вспомнили. Остановились, и водители принялись менять номера. Но проехать после этого удалось не больше пятидесяти метров! Дело в том, что впереди находился пост ГАИ и гаишники видели, что на трассе происходит нечто странное. Машину остановили, проверили документы, осмотрели салон. А там полно игрового оружия! Кто-то сказал: «Мы снимали кино. Позали еще наши машины едут». Тут же неизвестно откуда появились автоматчики, нас всех остановили, построили возле машин, обыскали. И только Игорь Бочкин, который часто снимается в кино и телевизионных сериалах, спас ситуацию. Его узнали даже в темноте!

В Америке, когда я снималась у Шилловского в картине «Приговор», мы с оператором Алисовым, его дочерью и одним каскадером по ночам брали игровую машину и тайно без прав мотались в Нью-Йорк — ездили по каким-то маленьким барам, пабам, плясали на дискотеках, плавали в бассейне, рассказывали друг другу нелепые истории...

— И все-таки, вы хотите прославиться?

— Хочу и нисколько этого не стесняюсь. Актер — сиюминутная профессия. Если писатель может позволить себе работать в стол, то актер все должен получить сейчас. Его видят только те восемьсот человек, которые сидят в зале. Атмосферу, которую он создает, не могут передать ни телевизионные пресса. Вот как играла Комиссаржевская? Говорят, она была великая актриса. Я верю. У нас на «Чайке» бывает пауза, когда все молчат — и мы, и зал. Причем длится она минуты две-три, а на сцене кажется, что прошла вечность. Вот и рассказы об этом после спектакля!